

Г. КИССИНДЖЕР

Крах «доктрины Брежнева»

<Фрагмент>

Один из элементарных уроков для начинающих шахматистов гласит: при выборе хода нет ничего хуже, чем не сделать предварительного подсчета клеток, попадающих под контроль при каждом из потенциальных ходов. В общем и целом, чем большим числом клеток оперирует игрок, тем шире у него выбор и тем ограниченнее выбор у его оппонента. Точно так же и в дипломатии: чем больше вариантов находится в распоряжении одной из сторон, тем меньше их остается на долю другой стороны и тем более осторожно она должна себя вести, добиваясь собственных целей. И такое положение дел должно со временем стать стимулом для оппонента стремиться к тому, чтобы из оппонентов перейти в союзники.

Если бы Советский Союз больше не мог рассчитывать на постоянную враждебность друг к другу самых могущественных наций мира — США и Китая — пределы советской неуступчивости сузились бы, а может быть, даже вообще бы исчезли. В обстановке конца 60-х годов улучшение китайско-американских отношений становилось для стратегии администрации Никсона применительно к Советскому Союзу ключевым фактором.

Историческое чувство дружбы между Америкой и Китаем разрушилось, когда коммунисты победили в гражданской войне в 1949 году и вступили в войну в Корею в 1950-м¹. На его место пришла политика преднамеренной изоляции коммунистических правителей в Пекине. Наглядным символом подобного рода умонастроений был отказ Даллеса пожать руку Чжоу Эньлаю на Женевской конференции 1954 года по Индокитаю, и память об этом у китайского премьера вовсе не стерлась, когда тот приветствовал меня в Пекине через семнадцать лет и осведомился, был ли я среди тех американцев, которые отказались пожать руки китайским руководителям. Единственный действующий

дипломатический контакт между двумя нациями осуществлялся через соответствующих послов в Варшаве, да и те во время своих нерегулярных встреч обменивались нападками друг на друга. Во время китайской «культурной революции» конца 60–70-х годов, число жертв которой сопоставимо со сталинскими чистками², все китайские послы (за исключением, в силу каких-то непостижимых причин, посла в Египте) были отозваны в Китай, что прервало варшавские переговоры и лишило Вашингтон и Пекин каких-либо дипломатических и политических контактов вообще.

Интересно, что лидерами, впервые осознавшими возможности, проистекающие из китайско-советского разрыва, оказались два ветерана европейской дипломатии: Аденауэр и де Голль. Аденауэр, полагаясь на то, что прочитанную им книгу, заговорил об этом где-то в 1957 году, хотя Федеративная Республика была еще не в состоянии вести глобальную политику. Де Голль не ощущал для себя ни малейших ограничений. Он верно вычислил в начале 60-х годов, что у Советов возникают серьезные проблемы на всем протяжении обширной границы с Китаем, и это заставит их в большей степени склоняться к сотрудничеству в своих отношениях с Западом. Будучи де Голлем, он верил, что этот факт позволит ускорить франко-советскую разрядку. С учетом наличия у Москвы китайской проблемы Москва и Париж могли соответственно провести переговоры по устранению «железного занавеса» и добиться осуществления мечты де Голля о «Европе от Атлантики до Урала». Но деголлевская Франция ни в коей мере не обладала достаточной силой для проведения подобной дипломатической революции. Москва не видела в Париже равного партнера для разрядки. Однако хотя политические выводы де Голля были искажены видением через французскую призму, лежащий в основе их анализ отличался точностью. В течение продолжительного времени американские политики, ослепленные идеологическими предвзятостями, так и не могли осознать, что советско-китайский разрыв представлял собою стратегические возможности для Запада.

Американское общественное мнение относительно Китая в том виде, в каком оно тогда сложилось, оказалось разделенным знаковыми разграничительными линиями «холодной войны». Небольшая группа сиологов рассматривала раскол, как психологический; они настаивали на том, чтобы Америка пошла навстречу китайским обидам и предоставила все китайские права в Организации Объединенных Наций Пекину, а также ослабила напряженность посредством широкомасштабных контактов. Абсолютное большинство информированных лиц, однако, считало коммунистический Китай неизлечимо экспансионистским, фанатично идеологизированным

и безоговорочно преданным идее мировой революции. Америка в значительной степени пошла на вовлеченность в Индокитае, чтобы разгромить «коммунистический заговор», устроенный, как она предполагала, Китаем с целью захвата Юго-Восточной Азии. Как ранее применительно к Советскому Союзу, утверждалось, что китайская коммунистическая система обязательно должна трансформироваться, прежде чем с нею можно будет вести переговоры.

Это мнение получило подтверждение из неожиданных источников. Советологи, которые уже на протяжении десятилетия настаивали на постоянном диалоге с Москвой, придерживались совершенно противоположной точки зрения в отношении Китая. Еще в начале первого срока пребывания Никсона на посту президента группа бывших послов в Советском Союзе, обеспокоенная первыми пробными поисками контактов с Пекином, высказала президенту серьезную озабоченность. Советские руководители, настаивали они, были преисполнены такой паранойей по отношению к коммунистическому Китаю, что любая попытка улучшить американские отношения с Пекином повлечет за собой абсолютно неприемлемый риск конфронтации с Советским Союзом.

Администрация Никсона не разделяла подобные взгляды на международные отношения. Исключать такую огромную страну, как Китай, из сферы деятельности американской дипломатии означало бы, что Америка действует на международной арене с одной рукой, завязанной за спиной. Мы были убеждены, что рост многовариантности в американской внешней политике смягчит, а не ужесточит поведение Советов. Политическое заявление, составленное мною для Нельсона Рокфеллера, выдвигавшего свою кандидатуру на пост президента от республиканской партии в 1968 году, гласило: «...Я начну диалог с коммунистическим Китаем. В треугольнике отношений между Вашингтоном, Пекином и Москвой мы найдем для себя возможности урегулирования с каждым оппонентом, поскольку мы расширяем границы выбора применительно к обоим». Никсон высказывал идентичные воззрения еще ранее, но языком, более приспособленным к традиционным американским понятиям относительно мирового сообщества. В октябре 1967 года он писал в журнале «Форин аффэрз»:

«С долгосрочной точки зрения мы просто не можем себе позволить вечно держать Китай вне пределов семьи наций, заставляя его лелеять свои фантазии, вынашивать ненависть и угрожать соседям. Эта планета слишком мала, чтобы один миллиард потенциально наиболее способных людей жил бы на ней в злобной изоляции».

Вскоре после того, как Никсон был выдвинут кандидатом на пост президента, он стал выражаться более конкретно. В жур-

нальном интервью в сентябре 1968 года он заявил: «Мы не должны забывать про Китай. Следует все время изыскивать возможности для разговора с ним, так же как и с СССР... Мы не можем просто ждать перемен, наша задача — эти перемены осуществить».

По ходу дела Никсону удалось достичь своей цели, хотя для Китая стимулом присоединения к сообществу наций послужили скорее не перспективы диалога с Соединенными Штатами, но страх нападения со стороны мнимого союзника — Советского Союза. Администрация Никсона, поначалу не осознавшая такого аспекта китайско-советских отношений, обратила на это внимание благодаря усилиям самого Советского Союза. Не в первый и не в последний раз неуклюжая советская политика ускорила то, чего Кремль больше всего опасался.

Весной 1969 года произошла серия столкновений между китайскими и советскими вооруженными силами на отдаленном участке китайско-советской границы вдоль реки Уссури в Сибири³. Исходя из опыта истекших двух десятилетий, Вашингтон поначалу не сомневался в том, что эти стычки были спровоцированы фанатичным китайским руководством. Но именно тяжеловесная советская дипломатия заставила в этом усомниться. Ибо советские дипломаты стали предоставлять детальные свидетельства советской версии событий в Вашингтон и заодно спрашивать, как Америка отнесется к тому, если произойдет эскалация этих столкновений.

Беспрецедентная советская готовность консультироваться с Вашингтоном относительно вопроса, по поводу которого Америка не проявила особенной озабоченности, заставила нас задать себе вопрос, не являются ли подобные брифинги зондированием почвы перед советским нападением на Китай. Подозрения только усилились, когда проработка вопроса американской разведкой, на которую ее подтолкнули советские брифинги, показала, что стычки неизменно имели место неподалеку от крупных советских баз военного снабжения и вдали от центров китайских коммуникаций: такого рода схема соответствовала лишь тому, что агрессором на деле были как раз советские вооруженные силы. Новым подтверждением такого вывода послужил факт беспрецедентного сосредоточения советских сил вдоль всей советско-китайской границы протяженностью в 4000 миль, численность которых за короткий срок составила свыше сорока дивизий.

Если анализ администрации Никсона был верен, то назревал крупный международный кризис, даже если большинству об этом не было известно. Советское военное вторжение в Китай означало бы самую серьезную угрозу глобальному соотношению сил со времен Кубинского ракетного кризиса. Распространение

«доктрины Брежнева» на Китай предполагало бы, что Москва попытается сделать пекинское правительство столь же смиренным и покорным, каким в предшествующем году стало не по своей воле правительство Чехословакии. Наиболее многочисленная из наций мира была бы подобным образом подчинена одной из ядерных сверхдержав — зловещая комбинация! Она привела бы к восстановлению столь опасного китайско-советского блока, монолитный характер которого внушал такой страх в 50-е годы. Способен ли был Советский Союз воплотить на практике подобный проект, до сих пор остается весьма неясным. Однако стало очевидным, особенно для администрации, основывающей свою внешнюю политику на геополитических концепциях, что на такой риск идти нельзя. Если говорить о соотношении сил всерьез, то тогда даже перспектива геополитического переворота должна получить отпор; ибо к тому времени, как перемены действительно произойдут, противодействовать им окажется слишком поздно. Как минимум, стоимость противостояния возрастет в невероятной степени.

Такого рода соображения заставили Никсона принять летом 1969 года два решения чрезвычайного характера. Первое — отказаться от постановки всех тех вопросов, которые являлись содержанием имевшего место китайско-американского диалога. На Варшавских переговорах была разработана повестка дня столь же сложная, сколь и отнимающая время. Каждая из сторон подчеркивала свои обиды: китайские касались будущего Тайваня и китайских активов, секвестрированных в Соединенных Штатах; Соединенные Штаты добивались отказа от применения силы в отношении Тайваня, участия Китая в переговорах по контролю над вооружениями и урегулирования американских экономических претензий к Китаю.

Вместо этого Никсон решил сосредоточиться на более широких аспектах китайского подхода к диалогу с Соединенными Штатами. В первую очередь следовало определить объем и контуры китайско-советско-американского треугольника. Если бы стало очевидным, что Советский Союз и Китай больше боятся друг друга, чем Соединенных Штатов, у американской дипломатии появились бы беспрецедентные возможности. Если на этой основе отношения улучшатся, традиционные вопросы повестки дня решатся сами собой; если же отношения не улучшатся, традиционные вопросы повестки дня так и останутся неразрешенными. Иными словами, практические вопросы будут решены как следствие китайско-американского сближения, а не в качестве его предпосылки.

Реализуя стратегию превращения мира, основанного на противостоянии двух держав, в стратегический треугольник, Соединен-

ные Штаты предприняли в июле 1969 года серию односторонних инициатив, чем продемонстрировали перемену подхода. Был снят запрет на поездки американцев в Китайскую Народную Республику; американцам было разрешено ввозить в Соединенные Штаты изготовленные в Китае товары на сумму в сто долларов; а также были разрешены ограниченные отгрузки зерна из Америки в Китай. Эти меры, пусть даже незначительные сами по себе, наглядно показывали новаторство подхода Америки к решению накопившихся международных проблем.

Государственный секретарь Уильям П. Роджерс раскрыл суть этих намеков в программной речи, одобренной Никсоном. Он заявил в Австралии 8 августа 1969 года, что Соединенные Штаты приветствовали бы, если бы коммунистический Китай стал играть важную и существенную роль в азиатских и тихоокеанских делах. Если китайские руководители откажутся от интроспективного «видения мира», то Америка «откроет каналы связи». В самом теплом заявлении, сделанном американским государственным секретарем относительно Китая на протяжении двадцати лет, Роджерс привлек внимание к односторонним инициативам, принятым Америкой в экономической области, назвав их шагами, предназначенными для того, чтобы «помочь напомнить людям континентального Китая о нашей исторической дружбе с ними».

Но коль скоро имелась реальная опасность советского нападения на Китай летом 1969 года, могло не хватить времени для постепенного развертывания столь сложных маневров. Поэтому Никсон пошел, вероятно, на самый смелый шаг за все время своего пребывания на посту президента и предупредил Советский Союз, что Соединенные Штаты не останутся в стороне, если тот соберется напасть на Китай. Независимо от тогдашнего отношения Китая к Соединенным Штатам, Никсон и его советники считали независимость Китая обязательной для глобального равновесия сил и полагали наличие дипломатических контактов с Китаем существенно важным для гибкости американской дипломатии. Предупреждение Никсона Советам явилось также наглядным выражением нового подхода администрации, заключавшегося в том, что она стала базировать политику Америки на тщательном анализе национальных интересов.

Озабоченный наращиванием советской военной мощи вдоль китайской границы, Никсон санкционировал твердое, обоюдоострое заявление от 5 сентября 1969 года, гласившее, что Соединенные Штаты «глубоко озабочены» возможностью китайско-советской войны. Заместителю государственного секретаря Эллиоту Ричардсону было поручено обнародовать послание; занимая достаточно

высокое в иерархическом плане место, чтобы исключить всякие сомнения в том, что он говорит по уполномочию президента, Ричардсон не был столь заметной фигурой, чтобы его слова воспринимались, как непосредственный вызов Советскому Союзу:

«Мы не стремимся воспользоваться ради собственной выгоды враждебными действиями между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Идеологические разногласия между двумя коммунистическими гигантами нас не касаются. Однако мы не можем не быть глубоко озабочены эскалацией этого спора и превращением его в массированное нарушение международного мира и спокойствия».

Когда страна отказывается от намерения воспользоваться в своих интересах конфликтом между двумя другими сторонами, это означает, что на деле она подает знак, что обладает возможностями это сделать и что каждой из сторон лучше всего позаботиться о нейтралитете. Вдобавок, когда нация выражает «глубокую озабоченность» по поводу возможных обстоятельств военного характера, она этим желает сообщить, что будет содействовать — каким образом, она пока что не указывает — жертве того, что она определит как агрессию. Никсон — уникальная фигура среди американских президентов XX века, ибо он проявил готовность поддержать страну, с которой у Соединенных Штатов на протяжении двадцати лет не было дипломатических отношений. И это при том, что у его администрации пока что не было с Китаем совершенно никаких контактов, и при том, что китайские дипломаты и средства массовой информации клеймили американский «империализм» на каждом шагу. Это означало возврат Америки в мир «Realpolitik».

Чтобы подчеркнуть этот новый подход, важность улучшения отношений между Китаем и Соединенными Штатами особо оговаривалась в каждом из ежегодных президентских докладов по вопросам внешней политики. В феврале 1970 года, еще до того, как возникли прямые контакты между Вашингтоном и Пекином, в докладе содержался призыв к переговорам с Китаем по практическим вопросам и подчеркивалось, что Соединенные Штаты не будут объединяться с Советским Союзом против Китая. Это, конечно, было обратной стороной предупреждения Москве; предполагалось, что подобный выбор всегда имелся в распоряжении Вашингтона, если обстоятельства принудят его сделать. Доклад, представленный в феврале 1971 года, вновь подтвердил готовность Америки установить контакт с Китаем и заверил Китай в отсутствии у Америки враждебных по отношению к нему намерений:

«Мы готовы установить диалог с Пекином. Мы не можем согласиться с его идеологическими аксиомами, а также с утверждением,

будто бы коммунистический Китай должен осуществлять гегемонию над всей Азией. Но мы также не желаем ставить Китай в такое положение в международном плане, которое бы препятствовало ему в защите законных национальных интересов».

И вновь в докладе настоятельно утверждался нейтралитет Америки в конфликте между двумя крупнейшими коммунистическими центрами:

«Мы ничего не предпримем, чтобы обострить этот конфликт или его поощрять. Абсурдно предполагать, что мы способны объединиться с одной из сторон против другой...»

В то же время мы не можем позволить ни коммунистическому Китаю, ни СССР диктовать нам политику и образ действий по отношению к противоположной стороне... Мы будем судить о Китае, как и об СССР, не по их риторике, а по их действиям».

Демонстративный отказ от объединения с любым из коммунистических гигантов подталкивал каждого из них улучшить отношения с Вашингтоном и являлся предупреждением относительно последствий продолжения враждебных действий. В том смысле, в каком Китай и Советский Союз в состоянии были сделать расчет, что они либо нуждаются в американской доброй воле, либо опасаются американского шага в направлении их противника, у них обоих появлялся стимул к улучшению отношений с Соединенными Штатами. И каждому из них было сказано четко и ясно — ибо все это было написано черным по белому, — что предпосылкой для сближения с Вашингтоном является отказ от угроз жизненно важным американским интересам.

Как выяснилось, оказалось легче обрисовать новую структуру отношений с Китаем, чем претворить ее в жизнь. Изоляция в отношении между Америкой и Китаем была до такой степени полной, что ни одна из стран не знала, как вступить в контакт с другой и как убедить другую сторону, что сближение не обернется ловушкой.

Китай испытывал большие трудности, отчасти потому, что дипломатия Пекина была непрямой и до такой степени изобиловала нюансами, что большая их часть просто не воспринималась в Вашингтоне. 1 апреля 1969 года — через два месяца после того, как Никсон принял присягу при вступлении в должность, — в докладе Линь Бяо, китайского министра обороны, который вот-вот должен был быть провозглашен наследником Мао, на IX национальном съезде коммунистической партии впервые не прозвучало стандартное до сих пор утверждение, что Соединенные Штаты являются главным врагом Китая. Линь Бяо назвал Советский Союз, по крайней мере, равной с ними угрозой, и это означало — основополагающая предпосылка дипломатии треугольника была

налицо. Линь Бяо также повторил заявление Мао, сделанное в 1965 году в беседе с журналистом Эдгаром Сноу: у Китая не имеется вооруженных сил за рубежом и у него нет намерения воевать с кем бы то ни было, если на его территорию не будет совершено нападение.

Одной из причин, почему на сигналы Мао реакции не последовало, была существенная переоценка Китаем значения личности Эдгара Сноу в Америке. Сноу, американский журналист, издавна симпатизировавший китайским коммунистам, считался пекинскими лидерами лицом, пользующимся особым доверием в Соединенных Штатах в отношении китайского вопроса. Вашингтон, однако, воспринимал его как орудие коммунистов и не был готов доверять ему свои тайны. Жест Мао, поместившего Сноу рядом с собой на трибуне парада по случаю китайского Дня независимости в октябре 1970 года, пропал для нас втуне. Точно то же произошло с интервью, полученным Сноу от Мао в декабре 1970 года, когда тот пригласил Никсона посетить Китай либо в качестве туриста, либо — президента Америки. Хотя Мао распорядился, чтобы его переводчик сверил записи со Сноу (чтобы удостовериться в точности передачи), Вашингтон так и не узнал об этом приглашении до того момента, когда вопрос, связанный с визитом Никсона, уже через несколько месяцев после этого был урегулирован по другим каналам. А пока что в декабре 1969 года в Варшаве возобновились контакты между Соединенными Штатами и Китаем. Они оказались не более удовлетворительными, чем в прошлом. Никсон проинструктировал Уолтера Стессела, исключительно способного и скрытного американского посла в Варшаве, обратиться к китайскому поверенному в делах на первом же протокольном мероприятии, куда будут приглашены оба, и попросить его о возобновлении переговоров на уровне послов. Такая возможность предоставилась Стесселу 3 декабря 1969 года при довольно необычных обстоятельствах: на показе югославской моды в варшавском Дворце культуры. Китайский поверенный в делах, не имеющий абсолютно никаких инструкций на случай обращения к нему американского дипломата, поначалу просто убежал. И только тогда, когда Стессел в прямом смысле загнал в угол его переводчика, он смог передать сообщение. К 11 декабря поверенный в делах, однако, уже получил инструкции, как вести себя с американцами, и пригласил Стессела в китайское посольство для возобновления давно начатых варшавских переговоров.

И почти сразу же они зашли в тупик. Повестка дня, включавшая в себя стандартные вопросы каждой из сторон, не оставляла места для рассмотрения подспудных геополитических проблем, которые,

с точки зрения Никсона — и, как выяснилось, Мао и Чжоу, — должны были определить будущее китайско-американских отношений. Более того, эти вопросы вентилировались американской стороной посредством громоздких консультаций с Конгрессом и основными союзниками, а это значило, что решение поставленной задачи окажется долгим и мучительным. А в итоге — еще неизвестно, не будет ли наложено на достигнутое множество разных вето!

Результатом переговоров в Варшаве явилось то, что они породили гораздо больше споров внутри правительства Соединенных Штатов, чем на встречах сторон. Мы с Никсоном испытали своего рода чувство облегчения, когда узнали, что Китай прерывает переговоры на уровне послов в знак протеста против американского удара по лагерям в Камбодже в мае 1970 года. С тех пор обе стороны стали искать более подходящий канал. Эту потребность затем удовлетворило пакистанское правительство. Кульминацией этих контактов, происходивших в ускоренном темпе, явилась моя тайная поездка в Пекин в июле 1971 года.

Я еще не встречал таких собеседников, которые были бы столь восприимчивы к никсоновскому стилю дипломатии, как китайские руководители. Как и Никсон, они считали традиционные вопросы повестки дня делом второстепенным, и прежде всего их заботило выяснение того, возможно ли сотрудничество на базе согласования интересов. Вот почему позднее одним из первых замечаний Мао, адресованных Никсону, было: «Маленьким вопросом является Тайвань; большим вопросом является весь мир».

А конкретно китайские руководители хотели получить заверения в том, что Америка не будет сотрудничать с Кремлем в деле реализации «доктрины Брежнева»; Никсон же желал знать, до какой степени Китай сможет сотрудничать с Америкой в области противодействия советской геополитической угрозе. Цели каждой из сторон были, по существу, концептуальны, хотя рано или поздно каждая из них должна была адекватно претвориться в дипломатическую практику. Ощущение наличия взаимных интересов должно было родиться из убедительности представления каждой из сторон своего видения мира — задачи, для которой в высшей степени годился Никсон. По этой причине ранние стадии китайско-американского диалога концентрировали свое внимание на сопоставлении концепций и фундаментальных подходов. Мао, Чжоу, а позднее и Дэн оказались выдающимися личностями. Мао был визионером, жестким, безжалостным, часто кровожадным революционером; Чжоу — элегантным, очаровательным, блестящим администратором; а Дэн — реформатором глубинных убеждений. Все трое являлись воплощением общих

традиций усерднейшего анализа и совмещения опыта древнейшей страны и инстинктивного разграничения между перманентным и тактически обусловленным.

Их переговорный стиль разительно отличался от стиля советской стороны. Советские дипломаты почти никогда не обсуждают вопросы концептуального характера. Их тактикой является упор на проблему, интересующую Москву в данный конкретный момент, и настоятельное упорство в достижении ее разрешения, рассчитанное не столько на то, чтобы убедить собеседников, сколько на то, чтобы их вымотать. Настойчивость и упорство, с которыми советские участники переговоров проводили в жизнь решения Политбюро, отражали железный характер дисциплины и внутренний стиль советской политической деятельности, превращая высокую политику в изнурительную мелочную торговлю. Квинтэссенцию подобного подхода к внешнеполитической дипломатической деятельности олицетворял Громыко.

Китайские руководители представляли собой в эмоциональном плане более прочное сообщество. Их не столько интересовали тонкости формулировок, сколько установление обстановки доверия. На встрече Никсона с Мао китайский руководитель не тратил времени на заверения президента в том, что Китай не будет применять силу против Тайваня. «Мы в настоящее время обходимся без него (Тайваня) и займемся этим через сто лет». Мао не просил взаимности, сделав заявление, которого Америка ждала двадцать лет.

* * *

В феврале 1972 года Никсон подписал Шанхайское коммюнике, которое стало путеводным ориентиром для китайско-американских отношений на последующее десятилетие. Коммюнике обладало беспрецедентной особенностью: более половины текста было посвящено констатации противоположных точек зрения обеих сторон по вопросам идеологии, международных отношений, Вьетнама и Тайваня. Станным образом перечень расхождений придавал большее значение тем вопросам, по которым обе стороны договорились. В коммюнике утверждалось, что:

— прогресс в направлении нормализации отношений между Китаем и Соединенными Штатами служит интересам всех стран;

— обе стороны желают уменьшить опасность возникновения международного военного конфликта;

— ни одна из сторон не претендует на гегемонию в азиатско-тихоокеанском регионе и каждая из них будет противостоять усилиям любой другой страны или группы стран установить подобную гегемонию;

— ни одна из сторон не собирается вести переговоры от имени любой третьей стороны, или вступать в соглашения, или устанавливать взаимопонимание с другими, направленные против прочих государств.

Если убрать дипломатический жаргон, то смысл этих соглашений заключался, по меньшей мере, в том, что Китай не будет ничего делать, чтобы обострить ситуацию в Индокитае или Корее, что ни Китай, ни Соединенные Штаты не будут сотрудничать с советским блоком и что обе страны будут противостоять попыткам любой из стран добиться господства в Азии. Поскольку единственной страной, способной добиться господства в Азии, был Советский Союз, в силу вступала молчаливая договоренность союзного характера блокировать советский экспансионизм в Азии (по типу Антанты между Великобританией и Францией в 1904 году и между Великобританией и Россией в 1907 году⁴).

В пределах года взаимопонимание между Соединенными Штатами и Китаем превратилось в нечто более конкретное и нечто более глобальное: в коммюнике, опубликованном в феврале 1973 года, Китай и Соединенные Штаты договорились совместно (уровень выше, чем «обязательства, принимаемые на себя каждой из сторон») противодействовать (уровень выше, чем «противостоять» в Шанхайском коммюнике) попыткам любой из стран установить мировое (уровень выше, чем «над Азией») господство. На протяжении каких-то полутора лет китайско-американские отношения превратились из откровенно враждебных и изоляционистских по отношению друг к другу в де-факто союзные против преобладающей угрозы.

Шанхайское коммюнике и предшествовавшая ему дипломатическая деятельность позволили администрации Никсона создать то, что она назвала, пусть, быть может, слишком высокопарно, новой структурой сохранения мира. Как только Америка объявила о сближении с Китаем, характер международных отношений резко переменялся. Позднее отношения с Китаем стали именоваться на Западе китайской «картой», как будто политика неуступчивых лидеров, правящих из Запретного Города, могла замышляться в Вашингтоне. На деле китайская «карта» либо разыгрывала себя сама, либо вовсе не существовала. Роль американской политики заключалась в том, чтобы очертить определенные границы готовности каждой из наций поддержать другую, когда их национальные интересы совпадают.

Согласно анализу Никсона и его советников, пока Китаю в большей степени есть чего опасаться со стороны Советского Союза, чем со стороны Соединенных Штатов, собственные интересы Китая

заставят его сотрудничать с Соединенными Штатами. Согласно той же схеме, Китай будет противостоять советскому экспансионизму не в качестве услуги Соединенным Штатам, пусть даже это пойдет на пользу и Америке, и Китаю одновременно. Допустим, что на Никсона произвела впечатление ясность мысли китайских руководителей — особенно премьера Чжоу Эньлая. И все же Соединенным Штатам незачем было безоговорочно вставать на одну из конфликтных сторон. Переговорная позиция Америки становилась наиболее сильной, когда Америка оказывалась ближе к каждому из коммунистических гигантов — Китаю и Советскому Союзу, — чем они сами друг к другу.

Американское сближение с Китаем является хорошим учебным примером роли личности в проведении внешней политики. То, что потомки назовут отправной точкой нового курса, на самом деле представляет собой серию более или менее разрозненных актов, где трудно отличить, какие из них совершены сознательно, а какие — спонтанно, под влиянием момента. Поскольку китайско-американские отношения родились через двадцать лет почти полной изоляции, все было новым и, следовательно, значимым с точки зрения последующих событий. Обеим сторонам нужда диктовала обязательность сближения, и попытка должна была быть предпринята независимо от того, кто правит в какой стране. Но беспрепятственность и быстрота развития событий, а также приобретенный ими размах обязаны в значительной мере проницательности и целеустремленности руководителей с обеих сторон, а также, что касается американцев, — беспрецедентному вниманию к анализу собственных национальных интересов.

Мао, убежденный коммунист, черпал силы из осознания того, что он является наследником традиции никогда не прерывавшегося самоуправления собственной страны, охватывающей три тысячелетия. После того как он заставил свою страну испытать идеологическое опьянение и устроить отвратительное кровопускание под видом «культурной революции», Мао переключился на внешнюю политику и стал наполнять ее «практическим смыслом». В течение столетий Срединное Царство обеспечивало себе безопасность, натравливая отдаленных варваров на своих ближайших соседей. Будучи глубоко обеспокоен советским экспансионизмом, Мао применил ту же самую стратегию в отношениях с Соединенными Штатами.

Мотивы Мао были для Никсона не важны. Его главной целью было восстановление для Америки инициативной внешней политики. Стремясь к тому, что он потом назвал «эрой переговоров» между Советским Союзом и Соединенными Штатами с тем

чтобы преодолеть вьетнамскую травму, Никсон не полагался ни на личные взаимоотношения, ни на трансформацию Советов, но лишь на равновесие стимулов как на способ сделать Кремль более сговорчивым.

После американского сближения с Китаем Советский Союз стоял перед лицом вызова на двух фронтах: со стороны НАТО на Западе и со стороны Китая на Востоке. В период, который в другом смысле был вершиной советской уверенности в себе и точкой падения для Америки, администрации Никсона удалось перетасовать колоду. Она продолжала следить за тем, чтобы всеобщая война оставалась чересчур рискованной для Советов. После сближения с Китаем советское давление ниже уровня всеобщей войны становилось точно так же чересчур рискованным, поскольку потенциально могло ускорить столь опасное китайско-американское примирение. Как только Америка встала на путь сближения с Китаем, наилучшим выбором для Советского Союза стало, в свою очередь, ослабление напряженности с Соединенными Штатами. Поскольку в теории Кремль мог предложить Соединенным Штатам больше, чем Китай, он даже лелеял мечты преуспеть в том, чтобы искусными маневрами убедить Америку заключить нечто вроде союза, направленного против Китая, что и было топорно предложено Брежневым Никсону как в 1973, так и в 1974 году.

Применяя новый подход в области внешней политики, Америка вовсе не собиралась поддерживать более сильного против более слабого в любой из ситуаций, связанных с наличием равновесия сил. Будучи страной с наибольшими физическими возможностями нарушить мир, Советский Союз обретал стимул умерять существующие кризисы и не создавать новых, коль скоро его ожидало противодействие на двух фронтах. А Китай, возможности которого позволяли нарушить равновесие сил в Азии, сдерживался бы необходимостью сохранять добрую волю Америки, ставящей пределы советскому авантюризму. И на этом фоне администрация Никсона могла бы попытаться решить практические вопросы с Советским Союзом, одновременно поддерживая глобальный концептуальный диалог с Китаем.

Хотя многие эксперты по Советскому Союзу предупреждали Никсона, что улучшение отношений с Китаем отрицательно повлияет на советско-американские отношения, случилось как раз прямо противоположное. До моей секретной поездки в Китай Москва в течение года замораживала организацию встречи на высшем уровне между Брежневым и Никсоном. Посредством своего рода обратной взаимозависимости она пыталась подчинить встречу на высшем уровне целому ряду условий. И вдруг,

не прошло и месяца с моего визита в Пекин, как Кремль резко переменял свою позицию и пригласил Никсона в Москву. Ускорились все советско-американские переговоры, едва лишь советские руководители оставили попытки добиться односторонних уступок со стороны Америки.

Никсон был первым президентом со времен Теодора Рузвельта, проводившим американскую внешнюю политику, в основном исходя из национальных интересов. Недостатком подобного подхода был слабый эмоциональный резонанс среди американского народа. Хотя Никсон часто говорил о структуре сохранения мира, структуры — это не то, что способно само по себе вызвать отклик в сердцах и умах общественности, особенно учитывая традиции американской исключительности. Более того, не всегда те или иные национальные интересы самоочевидны, как бы ни подчеркивал их президент в своих ежегодных докладах по вопросам внешней политики. В отсутствие установившейся традиции американское руководящее звено чувствует себя не слишком уютно по отношению к концепции национальных и противоположность, скажем, руководителям Великобритании, Франции или Китая. Даже при наличии наиболее оптимальных обстоятельств требовалась бы, в смысле времени, «львиная доля» президентства, чтобы создать внешнеполитическую традицию, базирующуюся на подходе Никсона.

В течение своего первого срока пребывания на посту президента Никсон почти не имел возможности взять на себя такого рода просветительскую задачу, ибо общество бурно протестовало, считая, будто бы правительство Соединенных Штатов занимается одной лишь коммунистической угрозой. С самого начала второго президентского срока перед Никсоном маячил призрак «уотергейта». Президент, находящийся перед лицом импичмента, вряд ли может быть воспринят, как лидер, берущий на себя попытки переформировать традиционное мышление.

Дело заключалось еще и в том, что Никсон и его окружение выдвинули подобный подход, резко дисгармонирующим с американскими идеологическими традициями образом. Двадцатью годами ранее Джон Фостер Даллес облачил свои трезвые анализы в риторику исключительности; десятью годами позднее Рональд Рейган подвигнул американскую публику поддержать внешнеполитическую линию, которая в оперативных деталях не слишком отличалась от линии Никсона, придав идеалистическую, окраску. Поскольку Никсон занимал свой пост в эру Вьетнама, он отдавал себе отчет в том, что риторика в стиле Даллеса — или, соответственно, Рейгана — просто-напросто подольет масла в огонь. Да и в более

спокойные времена человек никсоновского склада ума вряд ли взял бы на вооружение риторику в стиле Даллеса или Рейгана.

Поскольку достижения внешней политики Никсона считаются само собой разумеющимися, а опасности, которых с ее помощью удалось избежать, в расчет не принимаются, подход к делу Никсона (а также и мой) стал восприниматься все более и более противоречиво. В отсутствие «уотергейта» Никсону, возможно, удалось бы побудить страну признать его стиль дипломатии и наглядно продемонстрировать, что на Деле именно подобный стиль является наиболее практичным средством утверждения американского идеализма. Но комбинация Вьетнама и «уотергейта» помешала возникновению нового консенсуса. Даже несмотря на то, что Никсону удалось, невзирая на трагедию Индокитая, вывести свою страну на главенствующие международные рубежи, второй срок его президентства стал временем необычайно острых дебатов по поводу роли нации в мире, а особенно по поводу ее отношения к коммунизму.

